КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОГОСЪ.»

2336
335
Б-19

М. Бакунинъ.

БОГЪ И ГОСУДАРСТВО.

ПЕРЕВОДЪ
СЪ
ФРАНЦУЗСКАГО.

НХ
1241
1

5к

Книгоиздательство „ЛОГОСЪ“.

М. Бакунинъ.

Богъ

и

Государство.

Переводъ съ французскаго А. Б.

МОСКВА.
—
1906.

Проф.

БИБЛІОТЕКА
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1311
96

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.

Богъ и Государство.

Абсолютисты-якобинцы (революціонеры школы Ж. Ж. Руссо и Робеспьера) провозглашаютъ страшную, безчеловѣчную теорію неограниченнаго права Государства во имя фикціи, именуемой то коллективнымъ интересомъ или коллективной свободой, то коллективнымъ правомъ и волей,—тогда какъ абсолютисты-монархисты, съ гораздо болѣе логической послѣдовательностью, основываютъ ее на ученіи о милости Бога. Либеральные доктринеры,—по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые серьезно относятся къ либеральнымъ теоріямъ,—признавая въ принципѣ индивидуальную свободу, въ то же время, какъ извѣстно, враждебно относятся къ свободѣ Государства, какъ совокупности личностей. Они первые сказали, что правительство,—т.-е. такъ или иначе организованная совокупность чиновниковъ, предназначенныхъ исключительно для исполненія дѣлъ Государства,—было необходимымъ зломъ и что вся цивилизація заключалась всегда въ ограниченіи принадлежащихъ ему полномочій и правъ. Въ дѣйствительности же мы видимъ, однако, что всякій разъ, когда серьезно ставится вопросъ о необходимости существованія Государства, либеральные доктринеры, не менѣе, чѣмъ абсолютисты-монархисты и якобинцы, являются фанатичными приверженцами неограниченнаго права Государства.

Ихъ культъ Государства «во что бы то ни стало», повидимому, совершенно противоположный ихъ либеральнымъ принципамъ, объясняется двояко: прежде всего практически—ихъ классовыми интересами, потому что громадное большинство либеральныхъ доктринеровъ принадлежитъ къ буржуазіи. Этотъ классъ, такой многочисленный и почтенный, желалъ бы только согласовать со своими интересами права и преимущества самой полной анархіи; вся его соціальная экономика, дѣйствительный базисъ его политическаго существованія, признаетъ, какъ извѣстно, единственный законъ—анархію, такъ ярко выразившійся въ этихъ, ставшихъ знаменитыми, словахъ: «Laissez faire, laissez passer». Но онъ признаетъ эту анархію только для самого себя, при единственномъ условіи, чтобы массы, «слишкомъ невѣжественныя, чтобы пользоваться ею, не злоупотребляя», подчинялись самой строгой дисциплинѣ Государства. Ибо, если массы, уставъ работать на другихъ, возстанутъ,—рушится политическое и соціальное существованіе буржуазнаго общества, и мы видимъ всегда и вездѣ, что, какъ только трудящіяся массы начинаютъ волноваться, самые горячіе либеральные буржуа тотчасъ же становятся вновь самыми ярыми сторонниками неограниченныхъ правъ Государства. А такъ какъ волненія народныхъ массъ въ настоящее время дѣлаются зломъ все увеличивающимся и хроническимъ, то мы замѣчаемъ, что и либеральная буржуазія, даже въ странахъ, пользующихся самой широкой свободой, все больше и больше переходитъ на сторону культа неограниченной власти Государства.—Рядомъ съ этимъ чисто практическимъ соображеніемъ есть еще причина чисто теоретическая, ко-

торая тоже заставляетъ самыхъ искреннихъ либераловъ вновь возвращаться къ культу Государства. Они—либералы и называютъ себя либералами потому, что въ основаніе и, какъ исходный пунктъ своей теоріи, они берутъ свободу личности, и именно потому, что у нихъ это служитъ точкой отправленія или основаніемъ, они неизбѣжно, вполнѣ логически, должны дойти до признанія неограниченнаго права Государства.—Личная свобода, по ихъ мнѣнію, не есть продуктъ историческаго развитія общества. Они полагаютъ, что она предшествовала существованію общества, что каждый человѣкъ приноситъ ее съ собою, какъ божественный даръ, при появленіи на свѣтъ вмѣстѣ съ своей безсмертной душой. А изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ есть существо самобытное, вполнѣ цѣлое и въ нѣкоторомъ родѣ абсолютное, только внѣ общества. Такъ какъ человѣкъ свободенъ самъ по себѣ, до и внѣ общества, то онъ и образуетъ послѣднее добровольно, какъ бы по договору, то инстинктивному и молчаливому, то обдуманному и формальному. Словомъ, по этой теоріи не общество образуетъ личности, а наоборотъ,—отдѣльныя личности, побуждаемыя какой-либо внѣшней необходимостью, каковы: работа, война,—образуютъ общество. Изъ этой теоріи ясно, что собственно общества не существуетъ; естественное человѣческое общество, какъ реальная точка отправленія каждой человѣческой цивилизаціи, единственная среда, гдѣ можетъ образовываться и развиваться личность и свобода,— совершенно чуждо этой теоріи. Съ одной стороны, теорія признаетъ только существованіе самостоятельной и свободной личности, съ другой,—въ то же время признаетъ

Государство, т.-е. общество, условно образованное этими личностями въ силу то формальнаго, то молчаливаго соглашенія. (Либералы прекрасно знаютъ, что никакое историческое государство никогда не имѣло въ основѣ своего образованія установленнаго договора, что всѣ они основаны путемъ насилія и завоеванія. Но эта фикція свободнаго договора, какъ основа государства, имъ нужна и они безъ церемоніи пользуются ею).

Человѣческіе индивидуумы, совокупность которыхъ, условно объединенная, образуетъ Государство, по этой теоріи являются существами совершенно особыми и полными противорѣчій. Одаренные каждый безсмертной душой, свободой и свободной волей, имъ присущей, они являются, съ одной стороны, существами безконечными, неограниченными и, какъ таковыя, совершенными сами въ себѣ и черезъ самихъ себя; они находятъ въ самихъ себѣ удовлетвореніе, и, строго говоря, не имѣютъ нужды ни въ комъ, даже въ Богѣ, потому что, будучи безсмертны и безконечны, они сами боги. Съ другой стороны, эти существа грубо матеріальны, слабы, несовершенны, ограничены и безусловно находятся въ зависимости отъ внѣшней природы, которая ихъ захватываетъ, увлекаетъ и, наконецъ, рано или поздно овладѣваетъ ими. Разсматривая ихъ съ первой точки зрѣнія, мы видимъ, что они такъ мало нуждаются въ обществѣ, что оно, повидимому, стѣсняетъ даже самую полноту ихъ существованія, ихъ совершенную свободу. Такъ было съ самаго начала христіанства: люди святые и аскеты, искренне вѣрившіе въ безсмертіе и спасеніе своихъ душъ, порывали всякое сношеніе съ людьми и, убѣгая всякой человѣческой суеты, въ уедине-

нiи искали совершенства, добродѣтели, Бога. Они вполнѣ основательно, логически послѣдовательно смотрѣли на общество, какъ на источникъ разврата, а на абсолютное уединеніе души, какъ на источникъ всѣхъ добродѣтелей. Если иногда они и выходили изъ своего уединенія, это было не вслѣдствіе ихъ потребностей, но изъ великодушія, изъ христіанской любви къ людямъ, которые, продолжая развращаться въ соціальной средѣ, нуждались въ ихъ совѣтахъ, молитвахъ и руководствахъ. Такъ дѣлалось всегда для спасенія другихъ, но никогда не для своего собственнаго спасенія или самосовершенствованія. Напротивъ, они даже подвергались опасности потерять свою душу, входя въ это общество, откуда они съ ужасомъ бѣжали, какъ изъ очага всякаго разврата и, совершивъ свое святое дѣло, немедленно возвращались въ свои пустыни, чтобы въ присутствіи единаго Бога тамъ вновь достигнуть совершенства въ непрестанномъ созерцаніи своего личнаго бытія, своей одинокой души.

Этому примѣру должны слѣдовать всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ безсмертіе души, въ прирожденную свободу и свободную волю, если только они хотятъ спасти свою душу и достойно подготовить ее къ вѣчной жизни. Я еще разъ повторяю, что святые отшельники, которые, благодаря уединенію, доходили до полнаго слабоумія, были вполнѣ логичны. Разъ душа безсмертна, т.-е. безконечна по существу, свободна и самобытна, она въ самой себѣ должна находить удовлетвореніе. Только существа преходящія, ограниченныя и смертныя могутъ взаимно дополнять другъ друга; безконечное не пополняется. Наоборотъ, человѣкъ, сталкиваясь съ другимъ, съ тѣмъ, что

не онъ самъ, долженъ чувствовать себя ограниченнымъ, слѣдовательно долженъ бѣжать, сознательно отказываясь отъ всего, что не есть онъ самъ. Я сказалъ, что, строго говоря, безсмертная душа должна быть въ состояніи обходиться даже безъ Бога. Существо безконечное само въ себѣ, не можетъ признать рядомъ съ собою другое, равное себѣ, но еще менѣе такое, которое бы превосходило его, было выше его самого. Всякое существо, которое будетъ такъ же безконечно, какъ оно само и, въ то же время будетъ не имъ самимъ, поставитъ ему грань, а слѣдовательно сдѣлаетъ изъ него существо ограниченное и конечное. Признавая внѣ себя другое существо, такое же безконечное, какъ и оно само, безсмертная душа необходимо должна признать себя существомъ ограниченнымъ, потому что, въ дѣйствительности, безконечное обнимаетъ все, ничего не оставляя внѣ себя. Тѣмъ болѣе безконечное существо не можетъ, не должно признавать другого безконечнаго существа, которое было бы выше его. Безконечность не допускаетъ ничего относительнаго, ничего сравнительнаго; слова «безконечность высшая» и «безконечность низшая» не имѣютъ смысла. Богъ въ сущности нелѣпость. Богословіе, имѣющее правильно допускать нелѣпости и вѣрящее въ нихъ именно потому, что онѣ нелѣпы, поставило надъ безсмертными, а слѣдовательно безконечными человѣческими душами, высшую, абсолютную безконечность—Бога. А въ видѣ поправки для самаго себя оно создало фикцію Сатаны, который какъ разъ олицетворяетъ собою возмущеніе существа безконечнаго противъ существованія абсолютной безконечности — противъ Бога. И какъ возмутился Сатана противъ высшей

безконечности—Бога, такъ святые христіанскіе отшельники, слишкомъ смиренные, чтобы возмутится противъ Бога, возмутились противъ подобной же безконечности людей,—противъ общества.

Они очень разумно заявили, что для того, чтобы спасти себя, имъ не нужно общества; и такъ какъ, въ силу какихъ-то роковыхъ обстоятельствъ они были безконечностями *)... и падшими, имъ было достаточно общества Бога и самосозерцанія въ присутствіи этой абсолютной безконечности.

И я еще разъ заявляю, что этому примѣру должны послѣдовать всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ безсмертіе души. Съ этой точки зрѣнія общество можетъ дать имъ только вѣрную погибель. Въ самомъ дѣлѣ, что оно даетъ людямъ? Прежде всего матеріальныя богатства, которыя могутъ быть добыты въ достаточномъ количествѣ лишь совмѣстной работой. Но развѣ для того, кто вѣритъ въ существованіе вѣчной жизни, эти богатства не должны служить предметами презрѣнія? Развѣ Христосъ не сказалъ своимъ ученикамъ: «Не собирайте сокровищъ на землѣ, ибо гдѣ ваши сокровища, тамъ и сердце ваше»,—а въ другой разъ: «Гораздо легче веревкѣ (или по другой версіи—верблюду) пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство небесное». (Я всегда представляю себѣ при этомъ выраженіе лицъ благочестивыхъ и богатыхъ буржуа, протестантовъ Англіи, Америки, Германіи и Швейцаріи, при чтеніи этихъ притчъ, такихъ ясныхъ, опредѣленныхъ и такихъ для нихъ непріятныхъ):

---

*) неразборчивое слово.

Іисусъ Христосъ правъ,—алчность къ матеріальнымъ богатствамъ и спасеніе безсмертной души абсолютно несовмѣстимы. И если дѣйствительно вѣрить въ безсмертіе души, не лучше ли отказаться отъ удобствъ и роскоши жизни, которыя даетъ общество, и, подобно анахоретамъ, жить, питаясь кореньями и спасая свою душу для жизни вѣчной, чѣмъ погубить ее цѣною наслажденія матеріальными благами въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Расчетъ этотъ такъ простъ, такъ очевидно справедливъ, что мы вынуждены думать, что благочестивые и богатые буржуа, банкиры, заводчики, фабриканты, купцы, обдѣлывающіе такія блестящія дѣла пріемами, намъ извѣстными, и имѣющіе всегда на готовѣ Евангельскія слова, ничуть не расчитываютъ на безсмертіе души для себя и, великодушно предоставляя его пролетаріату, скромно удерживаютъ за собой эти презрѣнныя матеріальныя блага, которыя они собираютъ здѣсь на землѣ.—Кромѣ благъ матеріальныхъ, что еще даетъ общество? Привязанности плотскія, человѣческія, земныя, цивилизацію и развитіе ума—вещи неизмѣримыя съ точки зрѣнія человѣческой, преходящей и земной, но которыя передъ безсмертіемъ, передъ Богомъ—ничто. И самая высшая человѣческая премудрость—развѣ это не безуміе предъ Богомъ? Одна легенда православной церкви повѣствуетъ, что два святыхъ анахорета, добровольно удалившихся на нѣсколько десятковъ лѣтъ на пустынный островъ, уединившись даже другъ отъ друга и проводя день и ночь въ созерцаніи и молитвѣ, дошли до того, что потеряли даже способность рѣчи; изъ всего прежняго лексикона память сохранила имъ лишь три—четыре слова, которыя, соединенныя вмѣстѣ, не имѣли ни-

какого смысла, но тѣмъ не менѣе выражали передъ Богомъ высшее стремленіе ихъ душъ. Питались они, естественно, кореньями, какъ травоядныя животныя. Съ точки зрѣнія человѣческой, эти два отшельника были глупцы или безумцы, но съ точки зрѣнія божественной, съ точки зрѣнія людей, вѣрующихъ въ безсмертіе души, они показали себя людьми болѣе глубокими и расчетливыми, чѣмъ Галилей и Ньютонъ: они пожертвовали нѣсколькими десятками лѣтъ земного благополучія и житейской мудрости, чтобы пріобрѣсти вѣчное блаженство и божественную мудрость.

И такъ ясно, пока человѣкъ одаренъ безсмертной душой, безконечностью и свободой, присущими этой душѣ, онъ является существомъ безспорно противообщественнымъ. И если бы всегда онъ былъ такъ разуменъ, такъ всецѣло и исключительно занятъ тѣмъ, что онъ вѣченъ, у него достало бы смысла, чтобы презирать всѣ эти блага, всѣ привязанности и всю земную суету; онъ никогда не вышелъ бы изъ состоянія невинности и божественнаго невѣдѣнія и никогда не образовалъ бы общества. Словомъ, Адамъ и Ева никогда бы не вкусили плодовъ отъ древа познанія, и мы всегда бы жили, какъ звѣри, въ этомъ земномъ раю, который Богъ указалъ имъ, какъ жилище. Но съ того момента, какъ люди захотѣли знать, развиваться, стать людьми, думать, говорить и пользоваться матеріальными благами, они, по необходимости, должны были выйти изъ своего уединенія и образовать общество. Потому что, насколько они *внутренно* безконечны, безсмертны, свободны, настолько они *наружно* ограничены, смертны, слабы и зависимы отъ внѣшняго міра.

Если разсматривать людей съ точки зрѣнія ихъ земного

существованія, т.-е. не фиктивнаго, но реальнаго, большинство ихъ представляетъ собою зрѣлище столь унизительное, столь прискорбно бѣдное иниціативой, волей и разумомъ, что, право, надо обладать особой способностью фантазировать, чтобы найти въ нихъ безсмертную душу и хоть тѣнь какой-нибудь свободной воли. Они представляются намъ существами безусловно и роковымъ образомъ ограниченными: они ограничены прежде всего внѣшней природой, географическими и всѣми матеріальными условіями ихъ существованія; они ограничены безчисленными отношеніями политическими, религіозными и общественными, обычаями, привычками, законами, цѣлымъ рядомъ предразсудковъ или мыслей, медленно вѣками вырабатывавшихся, которые люди находятъ въ обществѣ уже при своемъ появленіи на свѣтъ, не участвуя въ ихъ созданіи, являясь сами прежде всего ихъ продуктами, а затѣмъ уже орудіемъ. Изъ 1000 людей едва найдешь одного, про котораго можно было бы сказать, не съ точки зрѣнія абсолютнаго, но только относительнаго, что онъ хочетъ и думаетъ по-своему. Громадное большинство людей, не только *изъ невѣжественной массы,* но также изъ образованныхъ и привилегированныхъ классовъ, хотятъ и думаютъ только то, чего хотятъ и что думаютъ всѣ кругомъ; они, безъ сомнѣнія, полагаютъ, что хотятъ и думаютъ они сами, но они только рабски, рутинно, съ едва замѣтными и ничего незначащими измѣненіями лишь воспроизводятъ мысли и желанія другихъ. Это рабство, эта рутина, неизсякаемые источники общихъ мѣстъ, отсутствіе противодѣйствія воли и отсутствіе иниціативы мысли въ людяхъ, являются главными причинами прискорбной медленности историческаго развитія человѣ-

чества. Для насъ, матеріалистовъ или реалистовъ, не вѣрящихъ ни въ безсмертіе души, ни въ свободную волю, эта медленность, какъ бы прискорбна она ни была, представляется естественнымъ фактомъ. Выйдя изъ состоянія гориллы, человѣкъ только съ большимъ трудомъ доходитъ до сознанія своей человѣческой природы и до осуществленія своей свободы. Сначала онъ не можетъ имѣть ни этого сознанія, ни этой свободы; онъ родится кровожаднымъ животнымъ и рабомъ; онъ развивается и прогрессивно освобождается только въ лонѣ общества, которое необходимо предшествуетъ зарожденію его мысли, слова и воли, и онъ можетъ достичь этого не иначе, какъ совмѣстными усиліями всѣхъ прошедшихъ и настоящихъ членовъ этого общества, которое такимъ образомъ является основою и естественнымъ исходнымъ пунктомъ его человѣческаго существованія. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ можетъ осуществить свою личную свободу, или лучше—стать личностью, только дополняя себя обществомъ окружающихъ его людей и только благодаря работѣ и силѣ всего общества,—внѣ котораго онъ остался бы, безъ сомнѣнія, самымъ глупымъ и самымъ презрѣннымъ изъ всѣхъ существующихъ на землѣ кровожадныхъ животныхъ. По системѣ матеріалистовъ, единственно естестевенной и логической, общество не только не уменьшаетъ и не ограничиваетъ свободу, а, наоборотъ,—создаетъ ее для людей. Общество является корнями и деревомъ, а свобода его плодомъ. Слѣдовательно, въ каждую эпоху человѣкъ долженъ искать свою свободу не въ началѣ, но въ концѣ исторіи общества, и можно сказать, что дѣйствительное

и полное освобожденіе каждаго человѣческаго существа есть истинная, великая цѣль и высшее завершеніе исторіи.

Совершенно другой взглядъ идеалистовъ. По ихъ системѣ, человѣкъ вначалѣ является безсмертнымъ и свободнымъ и кончаетъ рабомъ. Какъ духъ безсмертный и свободный, безконечный и совершенный въ самомъ себѣ, онъ не чувствуетъ потребности въ обществѣ, а слѣдовательно, если онъ вступаетъ въ общество, то это случается лишь въ силу какого-то паденія или же потому, что онъ забываетъ, теряетъ сознаніе своего безсмертія и своей свободы. Существо противорѣчивое, внутренно безконечное, какъ духъ, но наружно зависимое, несовершенное и матеріальное, человѣкъ принужденъ объединяться не въ силу потребности души, но для сохраненія плоти. Общество образуется цѣною пожертвованія личными интересами и независимости души ради презрѣнныхъ потребностей тѣла. Это ничто иное, какъ паденіе и порабощеніе человѣка внутренно безсмертнаго и свободнаго, отреченіе, по крайней мѣрѣ частичное, отъ его первоначальной свободы.

Извѣстны знаменитыя слова, которыя на языкѣ всѣхъ сторонниковъ Государства и юридическаго права выражаютъ это паденіе и эту жертву человѣка, этотъ первый шагъ къ человѣческому порабощенію. Пользуясь полной свободой въ своемъ естественномъ состояніи, т.-е. прежде, чѣмъ стать членомъ какого-нибудь общества, человѣкъ, входя въ это общество, приноситъ ему въ жертву часть своей личной свободы, чтобы оно обезпечило ему все остальное. Но тѣмъ, которые требуютъ разъясненія этихъ словъ, обыкновенно отвѣчаютъ другими: «Свобода каждаго человѣка не должна имѣть никакихъ иныхъ ограниченій,

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

кромѣ свободы всѣхъ другихъ людей.» Повидимому, нѣтъ ничего болѣе справедливаго, не правда ли? И все-таки эта теорія въ самомъ зародышѣ своемъ содержитъ всю теорію деспотизма. Сообразно основной мысли идеалистовъ всѣхъ школъ и вопреки всѣмъ дѣйствительнымъ фактамъ, человѣкъ является существомъ безусловно свободнымъ до тѣхъ поръ, и только до тѣхъ поръ, пока онъ остается внѣ общества,—откуда слѣдуетъ, что послѣднее, разсматриваемое и понимаемое въ смыслѣ юридическаго и политическаго общества, т.-е. въ формѣ Государства, есть отрицаніе свободы. Вотъ результатъ идеализма; онъ, какъ видно, совершенно противоположенъ выводамъ матеріалистовъ, которые, сообразно съ тѣмъ, что происходитъ въ реальной жизни, смотрятъ на личную свободу людей, какъ на продуктъ общества, какъ на необходимое слѣдствіе коллективнаго развитія человѣчества.

Опредѣленіе свободы матеріалистами, реалистами и коллективистами, совершенно противоположное опредѣленію идеалистовъ, таково: человѣкъ становится человѣкомъ и приходитъ какъ къ сознанію, такъ и къ осуществленію своей человѣческой природы не иначе, какъ въ обществѣ и только совокупными дѣйствіями цѣлаго общества; онъ освобождается отъ бремени внѣшней природы только коллективной или соціальной работой, которая одна способна превратить поверхность земли въ удобное жилище для развитія человѣческаго рода, а безъ этого физическаго освобожденія ни для кого не можетъ быть освобожденія умственнаго и нравственнаго. Человѣкъ можетъ освободиться отъ бремени своей собственной природы, т.-е. подчинить инстинкты и побужденія разума, только путемъ

воспитанія и образованія; но какъ то, такъ и другое— вполнѣ и исключительно дѣло общества, потому что внѣ общества человѣкъ оставался бы или дикимъ животнымъ или святымъ, что означаетъ приблизительно одно и то же. Наконецъ, человѣкъ, будучи одинокимъ, не можетъ сознавать своей свободы. Быть свободнымъ для человѣка значитъ, чтобъ его признавалъ, чтобы на него смотрѣлъ и съ нимъ обращался, какъ съ таковымъ, другой человѣкъ, —всѣ люди, его окружающіе. Свобода, слѣдовательно, не въ уединеніи, но въ обоюдномъ обмѣнѣ мыслями,—не въ исключеніи, но, напротивъ, въ объединеніи, т. к. свобода каждаго человѣка есть ничто иное, какъ отраженіе его человѣческой природы, его человѣческаго права въ сознаніи всѣхъ свободныхъ людей, его братьевъ, его равныхъ. Я могу назвать и чувствовать себя свободнымъ только въ присутствіи и въ отношеніи другихъ людей. Въ присутствіи животнаго низшей породы я не чувствую себя ни свободнымъ, ни человѣкомъ, потому что это животное неспособно сознать, а слѣдовательно и признать мою человѣческую природу. Я человѣкъ и я самъ свободенъ, поскольку я признаю свободу и человѣка во всѣхъ другихъ людяхъ, меня окружающихъ. Только уважая человѣческое достоинство другихъ, я уважаю и себя. Людоѣдъ, который съѣдаетъ своего плѣнника, обращаясь съ нимъ, какъ со звѣремъ, не человѣкъ, а животное. Господинъ рабовъ не человѣкъ, но господинъ; не признавая человѣка въ своихъ рабахъ, онъ не признаетъ человѣка и въ себѣ. Весь античный міръ служитъ тому доказательствомъ: греки, римляне не чувствовали себя свободными постольку, поскольку они были людьми; они не смотрѣли на свою

свободу, какъ на должное имъ по праву человѣка; они думали, что пользовались свободой, какъ привилегіей, какъ греки, римляне, лишь только въ своемъ собственномъ отечествѣ, пока оно независимо и не покорено, а, наоборотъ, само, благодаря особому покровительству своихъ боговъ, побѣждаетъ другія страны; они нисколько не удивились бы, не считали бы ни своимъ правомъ, ни долгомъ возмущаться, если бы, будучи побѣждены, сами сдѣлались рабами.

Великая заслуга христіанства въ томъ, что оно провозгласило человѣка во всѣхъ людяхъ, въ томъ числѣ и въ женщинахъ, равенство всѣхъ людей передъ Богомъ. Но какимъ образомъ? Да на небѣ, въ жизни будущей, а не на землѣ, въ настоящей жизни. А это будущее равенство опять-таки ложь, потому что, какъ извѣстно, много званыхъ, да мало избранныхъ. Въ этомъ согласны богословы всѣхъ самыхъ различныхъ христіанскихъ сектъ. Такимъ образомъ, такъ называемое христіанское равенство приводитъ къ самой вопіющей привилегіи нѣсколькихъ тысячъ избранныхъ Божіею милостію изъ милліоновъ осужденныхъ. При томъ это равенство всѣхъ передъ Богомъ, даже если оно должно осуществиться для всѣхъ, будетъ только равенствомъ ничтожества и рабства всѣхъ передъ верховнымъ владыкою. Развѣ основаніе христіанскаго культа и первое условіе спасенія не въ отреченіи отъ человѣческаго достоинства и не въ презрѣніи къ этому достоинству въ присутствіи божественнаго величія? Итакъ, христіанинъ—не человѣкъ, какъ потому, что у него нѣтъ сознанія своего человѣческаго достоинства, такъ и потому, что, не уважая въ самомъ себѣ человѣка, онъ не

можетъ уважать его и въ другомъ; а не уважая его въ другомъ, онъ не можетъ уважать и въ себѣ. Христіанинъ можетъ быть пророкомъ, святымъ, священникомъ, царемъ, генераломъ, министромъ, чиновникомъ, тѣмъ или инымъ авторитетомъ, жандармомъ, палачемъ, дворяниномъ, эксплуататоромъ-буржуа и порабощеннымъ пролетаріемъ, угнетателемъ или угнетаемымъ, мучителемъ или мучимымъ, хозяиномъ или батракомъ,—но онъ не имѣетъ права называть себя человѣкомъ, потому что истиннымъ человѣкомъ можетъ быть только тотъ, кто уважаетъ и любитъ человѣка и свободу всего міра какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ, и чья свобода и человѣческое достоинство уважаемы, любимы и созданы общими усиліями.

Я истинно свободенъ только тогда, когда всѣ человѣческія существа, меня окружающія, всѣ мужчины и женщины, свободны одинаково со мною. Свобода другого, ничуть не ограничивая и не отрицая моей свободы, напротивъ, явится ея подтвержденіемъ и необходимымъ ея условіемъ. Истинно свободнымъ я становлюсь только черезъ свободу другихъ, такъ что, чѣмъ многочисленнѣе свободные люди, меня окружающіе, и чѣмъ глубже и шире ихъ свобода, тѣмъ болѣе обширной, глубокой и широкой становится и моя свобода. Напротивъ, рабство людей ставитъ предѣлы моей свободѣ или, что тоже самое, отсутствіе въ нихъ человѣческаго достоинства является отрицаніемъ человѣка и во мнѣ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, повторяю еще разъ, я могу назвать себя свободнымъ только тогда, когда моя свобода или, что одно и то же, мое человѣческое достоинство, мое человѣческое право, состоитъ въ возможности не подчиняться никакому другому человѣку и опре-

дѣлять свои дѣйствія не иначе, какъ сообразно съ своими личными убѣжденіями, и когда это право, отразившись въ одинаково свободномъ сознаніи всѣхъ людей, получитъ общее одобреніе и согласіе. Моя личная свобода, обезпеченная свободою всѣхъ, простирается до безконечности. Итакъ свобода, какъ ее понимаютъ матеріалисты, нѣчто очень положительное, очень сложное, безспорно общественное, потому что она можетъ быть осуществлена лишь черезъ общество и только при самомъ строгомъ равенствѣ и солидарности каждаго со всѣми. Въ ней можно различить три момента развитія, три элемента, изъ которыхъ первый, несомнѣнно положительный и общественный,—это полное развитіе и полное пользованіе каждымъ всѣми человѣческими способностями и силами путемъ воспитанія, научнаго образованія и матеріальнаго благополучія—всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть дано каждому только коллективной работой умственной и физической, мускульнымъ и нервнымъ трудомъ цѣлаго общества.

Второе начало или, второй элементъ развитія свободы—отрицательный. Это есть *возмущеніе* человѣка противъ власти божеской и человѣческой, коллективной и индивидуальной.

Это прежде всего возмущеніе противъ тиранiи того высшаго призрака, которое создало ученіе богослововъ,— противъ Бога. Ясно, что пока мы будемъ имѣть повелителя на небѣ, мы будемъ рабами на землѣ; нашъ разумъ, наша воля будутъ сведены къ нулю. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ вѣрить, что обязаны повиноваться ему безусловно, а по отношенію къ Богу только и возможно такое безусловное повиновеніе, мы пассивно, безъ малѣйшей критики

должны будемъ подчиняться священной власти его посредниковъ и его избранниковъ: мессій, пророковъ, боговдохновенныхъ законодателей, императоровъ, королей и всѣхъ ихъ чиновниковъ и министровъ, представителей и служителей власти, освященной *церковью и государствомъ*,— этими двумя учрежденіями, которыя выставляются намъ, какъ установленныя самимъ Богомъ для управленія людьми. Всякая власть, свѣтская или человѣческая, исходитъ непосредственно отъ власти духовной или божественной. Но власть—это отрицаніе свободы. Богъ, или скорѣе фикція божества, уже является духовной и нравственной причиной всякаго рабства на землѣ и освящаетъ его, и человѣческая свобода вполнѣ осуществится только тогда, когда она совершенно уничтожитъ тлетворный вымыселъ о существованіи небеснаго повелителя.

Въ дальнѣйшемъ, какъ слѣдствіе этого, является возмущеніе отдѣльной личности противъ тираніи общества, противъ власти какъ личной, такъ и общественной, представленной и узаконенной Государствомъ. Здѣсь, однако, нужно хорошенько договориться, а чтобы договориться, надо сначала вполнѣ опредѣленно установить различіе между офиціальной и, въ силу этого, тираническою властью общества, сорганизованнаго въ Государство, отъ того вліянія и воздѣйствія общества на каждаго изъ его членовъ, которое является естественнымъ и неофиціальнымъ.

Возмущеніе противъ этого естественнаго вліянія общества гораздо труднѣе для индивидуальной личности, чѣмъ возмущеніе противъ общества, офиціально организованнаго, противъ Государства, хотя часто возмущеніе противъ естественнаго вліянія этого общества также неизбѣжно, какъ

послѣднее. Тиранія общества, часто гнетущая и гибельная, не представляетъ собою того характера принудительнаго насилія узаконеннаго и оформленнаго деспотизма, который характеризуетъ государственную власть. Она не дѣйствуетъ въ формѣ закона, которому обязанъ подчиниться каждый человѣкъ подъ страхомъ судебнаго наказанія. Ея дѣйствіе мягче, вкрадчивѣе и менѣе замѣтно, но именно въ силу этого оно болѣе могуче, чѣмъ власть Государства. Она властвуетъ надъ людьми при посредствѣ обычаевъ, нравовъ, множества мнѣній и привычекъ, установившихся, какъ въ области матеріальной, такъ и въ области ума и чувства, и составляющихъ то, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ. Она окружаетъ человѣка съ самаго дня его рожденія, пропитываетъ и проникаетъ его цѣликомъ и составляетъ самую основу его предразсудковъ индивидуальнаго существованія, такъ что каждый человѣкъ является болѣе или менѣе какъ бы ея сообщникомъ противъ самого себя, по большей части даже не сознавая этого. Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы человѣкъ возмутился противъ вліянія, которое общество естественно производитъ на него, онъ долженъ, хотя бы отчасти, возстать противъ самого себя, ибо со всѣми своими желаніями и стремленіями, умственными и нравственными, онъ и самъ является только продуктомъ этого общества. Отсюда эта страшная власть общества надъ людьми.

Съ точки зрѣнія абсолютной морали, т.-е. съ точки зрѣнія уваженія къ человѣку,—я сейчасъ скажу, что я подразумѣваю подъ этимъ словомъ,—эта власть общества можетъ быть какъ благотворной, такъ и вредной. Она благотворна, если стремится къ развитію науки, матеріаль-

наго благополучія, свободы, равенства и братской солидарности людей,—она вредна, если стремленія ея противоположны. Человѣкъ, рожденный въ обществѣ полуживотныхъ, почти всегда остается полуживотнымъ; рожденный въ обществѣ, управляемомъ духовенствомъ, онъ становится идіотомъ или ханжей; рожденный среди шайки воровъ, онъ, по всей вѣроятности, станетъ воромъ; рожденный въ буржуазной средѣ—будетъ эксплуататоромъ чужого труда; а если онъ имѣлъ несчастіе родиться въ средѣ полубоговъ, которые управляютъ нашей землей, среди знати, титулованныхъ и коронованныхъ особъ, онъ,—поскольку позволятъ его способности, средства и власть,—будетъ презирать человѣчество или станетъ его угнетателемъ, тираномъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возмущеніе человѣка противъ общества, въ которомъ онъ родился, является неизбѣжнымъ ради развитія его человѣческой личности.

Но, повторяю, возмущеніе человѣка противъ общества несравненно труднѣе, чѣмъ возмущеніе противъ Государства и совершенно по другимъ мотивамъ. Государство, какъ и сама церковь, младшимъ братомъ которой оно является, есть учрежденіе историческое, переходное, временная форма общества, но оно не имѣетъ характера той неизбѣжности и неизмѣнности, который свойственъ обществу, предшествующему всякому человѣческому развитію и обладающему той силой и полнотой законовъ, дѣйствій и естественныхъ проявленій, которые составляютъ самыя основы всякаго человѣческаго существованія. Человѣкъ,—по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлалъ первый шагъ, чтобы стать человѣкомъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ быть человѣкомъ, т.-е. существомъ, говоря-

щимъ и болѣе или менѣе думающимъ,—родится въ обществѣ, какъ муравей родится въ своемъ муравейникѣ, и пчела въ своемъ ульѣ; онъ не выбираетъ общества, онъ, напротивъ, является его продуктомъ и также неизбѣжно подчиняется естественнымъ законамъ этого общества, которые управляютъ его необходимымъ развитіемъ, какъ повинуется и всѣмъ другимъ естественнымъ законамъ. Общество предшествуетъ каждому человѣку и вмѣстѣ съ тѣмъ переживаетъ его, какъ и сама природа; оно вѣчно, какъ природа; образовавшись на землѣ, оно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать наша земля. Полное возмущеніе противъ общества было бы также невозможно для человѣка, какъ и возмущеніе противъ природы, такъ какъ человѣческое общество при этомъ только послѣднее великое проявленіе или созданіе природы на нашей землѣ; и человѣкъ, который возсталъ бы противъ общества, т.-е. противъ природы вообще и въ частности своей собственной, тѣмъ самымъ поставилъ бы себя внѣ всякихъ условій реальнаго существованія, погрузился бы въ ничтожество, въ абсолютную пустоту, въ мертвую отвлеченность—въ Бога. Также невозможно задавать вопросъ, является ли общество добромъ или зломъ, какъ невозможно спрашивать, представляетъ ли изъ себя добро или зло природа, всемірное, матеріальное, реальное, единое высшее, абсолютное бытіе, общество болѣе всего этого; оно есть огромный фактъ, положительный и первоначальный, предшествующій всякому сознанію, всякой мысли, всякой умственной и нравственной оцѣнкѣ; это самая основа; это—міръ, въ которомъ позднѣе роковымъ

тогда, когда оно повелѣваетъ дѣлать добро, оно уже ослабляетъ и портитъ это добро,—прежде всего потому, что

Не такъ съ Государствомъ, и я, не колеблясь, скажу, что Государство—зло, но зло исторически необходимое, такъ же необходимое въ прошломъ, какъ будетъ необходимо рано или поздно его полное уничтоженіе въ будущемъ, такъ же необходимо, какъ первобытное животное существованіе человѣка или религіозныя бредни людей. Государство—не общество, это только его историческая форма, такая же грубая, какъ и отвлеченная. Во всѣхъ странахъ оно возникло исторически отъ соединенія насилія, хищенія, грабежа, словомъ, войны и рабства, съ божествами, которыхъ одного за другимъ создавала религіозная фантазія народовъ. Съ самаго начала Государство было, остается еще и теперь, божественной санкціей животной силы и торжествующаго беззаконія. Это даже въ самыхъ демократическихъ странахъ, какъ Соединенные Штаты въ Америкѣ или Швейцаріи. . . . . *) преимущество ничтожнаго меньшинства и дѣйствительное порабощеніе громаднаго большинства.

Возмущеніе противъ Государства гораздо легче, потому что въ самой природѣ его есть что-то, вызывающее возмущеніе. Государство—это власть, сила, тщеславіе силой и выставка ея напоказъ. Оно не старается внушить или убѣдить,—и всякій разъ, когда берется за это, оно дѣлаетъ это неохотно, потому что въ его природѣ отнюдь не убѣждать, а навязывать и принуждать, какъ бы ни старались скрыть это присущее ему свойство законнаго нарушенія воли человѣка и постояннаго отрицанія его свободы. Даже

*) неразборчивое слово.

тогда, когда оно повелѣваетъ дѣлать добро, оно уже ослабляетъ и портитъ это добро,—прежде всего потому, что повелѣваетъ дѣлать его, а всякое приказаніе вызываетъ и порождаетъ законное возмущеніе во имя свободы, и потому еще, что съ того момента, какъ добро дѣлается по приказанію, оно—съ точки зрѣнія истинной нравственности, нравственности человѣческой, но, конечно, не божественной, съ точки зрѣнія уваженія къ человѣку и къ свободѣ—становится зломъ. Свобода, нравственное чувство и человѣческое достоинство именно и состоятъ въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ добро не потому, что ему это приказываютъ, а потому, что онъ сознаетъ, хочетъ,—и любитъ его.

Общество не воздѣйствуетъ формально, офиціально, властно, оно вліяетъ естественно, вотъ почему его дѣйствіе на личность несравненно болѣе могущественно, чѣмъ дѣйствіе Государства. Оно создаетъ и формируетъ всякаго, кто родится и развивается въ его средѣ. Оно медленно заставляетъ переходить въ нихъ съ перваго дня ихъ рожденія и до смерти весь свой собственный характеръ физическій, духовный и нравственный; оно, такъ сказать, индивидуализируется въ каждомъ человѣкѣ.

Реальная человѣческая личность лишь въ самой незначительной степени является созданіемъ міровымъ и отвлеченнымъ,—каждый человѣкъ съ перваго дня зарожденія своего, уже въ утробѣ матери, находитъ себя существомъ опредѣленнымъ и обособленнымъ вслѣдствіе массы причинъ и условій матеріальныхъ, географическихъ, климатическихъ, этнографическихъ, гигіеническихъ, а слѣдова-

тельно и экономическихъ, которыя собственно образуютъ его физическую природу, исключительно свойственную его семьѣ, классу, народу, расѣ и, насколько наклонности и способности людей зависятъ отъ совокупности всѣхъ этихъ внѣшнихъ или физическихъ вліяній,—каждый человѣкъ родится съ природой или индивидуальнымъ характеромъ, уже заранѣе матеріально предопредѣленнымъ. Болѣе того, благодаря относительному устройству человѣческаго мозга, каждый человѣкъ приноситъ при рожденіи, въ различныхъ степеняхъ, не врожденныя мысли и чувства, какъ полагаютъ идеалисты, но матеріальную и вмѣстѣ формальную способность чувствовать, думать, говорить и желать. Онъ приноситъ съ собой только способность создавать и развивать мысли и, какъ я только что сказалъ, только одну чисто формальную возможность дѣйствія безъ всякаго содержанія. Кто дастъ ему первое содержаніе? Общество.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какъ образовались первыя понятія и первыя мысли, большая часть которыхъ въ первобытномъ обществѣ была, конечно, нелѣпа. Все, что мы можемъ сказать съ полной достовѣрностью,—это прежде всего то, что они были созданы не произвольно, въ уединеніи, чудесно озареннымъ умомъ вдохновенныхъ личностей, но главнымъ образомъ коллективной работой, чаще всего незамѣтной для ума всѣхъ входящихъ въ составъ общества людей; этимъ идеямъ люди выдающіеся, геніи, могутъ давать только наиболѣе вѣрное и удачное выраженіе, такъ какъ всѣ геніальные люди, какъ Вольтеръ, «черпали ихъ всюду, гдѣ только ихъ находили». Итакъ, коллективная умственная работа всѣхъ членовъ примитивнаго

общества создала первыя понятія. Эти понятія первоначально были лишь простымъ свидѣтельствомъ, по необходимости очень несовершеннымъ, о фактахъ естественныхъ и общественныхъ и заключеніемъ еще менѣе основательнымъ, выведеннымъ изъ этихъ фактовъ. Таково было начало всѣхъ человѣческихъ представленій, фантазій и мыслей. Содержаніе этихъ мыслей далеко не было самопроизвольнымъ твореніемъ человѣческаго ума: оно прежде всего было дано ему реальнымъ міромъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ. Человѣческій умъ, т.-е. работа и органическое, а слѣдовательно и вещественное отправленіе его мозга, вызванное какъ внѣшними, такъ и внутренними впечатлѣніями, переданными ему нервами, добавляетъ къ этому лишь чисто механическую способность сравнивать и комбинировать полученныя отъ предметовъ или фактовъ впечатлѣнія въ правильныя или ложныя системы. Таково происхожденіе первыхъ понятій. При помощи словъ эти понятія или, скорѣе, эти первыя представленія становились болѣе точными, болѣе опредѣленными, передавались отъ одного человѣка къ другому, такъ что личныя впечатлѣнія каждаго человѣка, встрѣчаясь, провѣряясь, измѣняясь, взаимно дополняясь и смѣшиваясь болѣе или менѣе въ единую систему, кончили тѣмъ, что образовывали общее сознаніе, коллективную мысль общества. Эта мысль, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому и все болѣе развиваясь путемъ вѣковой умственной работы, составляетъ умственное и нравственное достояніе общества, класса, націи.

Каждое новое поколѣніе находитъ въ своей колыбели цѣлый міръ идей, представленій и чувствъ, который оно

получаетъ, какъ наслѣдіе отъ прошлыхъ вѣковъ. Этотъ міръ не представляется передъ новорожденнымъ въ своей идеальной формѣ, какъ система представленій и понятій, какъ законъ, какъ ученіе; ребенку, неспособному ни воспринять, ни постичь его въ такой формѣ, этотъ міръ говоритъ на языкѣ фактовъ, воплощенныхъ и осуществленныхъ какъ въ людяхъ, такъ и во всемъ, что его окружаетъ, во всемъ, что онъ видитъ и слышитъ съ перваго дня своей жизни. Эти человѣческія понятія и представленія были вначалѣ только продуктомъ дѣйствительныхъ фактовъ изъ жизни природы и общества, въ томъ смыслѣ, что они были рефлексами или отраженіями въ мозгу человѣка и воспроизведеніемъ, такъ сказать, идеальнымъ и болѣе или менѣе вѣрнымъ такихъ фактовъ съ помощью этого безусловно вещественнаго органа человѣческой мысли. Позднѣе, послѣ того, какъ эти понятія и представленія внѣдрились указаннымъ образомъ въ сознаніе людей какого-нибудь общества, они достигали возможности сдѣлаться въ свою очередь продуктивными причинами новыхъ фактовъ, собственно не столько въ природѣ, сколько въ обществѣ. Въ концѣ концовъ они видоизмѣняютъ и преобразуютъ, правда очень медленно, существованіе, привычки и учрежденія людей, словомъ, всѣ человѣческія отношенія въ обществѣ и, своимъ проявленіемъ во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни каждаго человѣка, они явно дѣлаются чувствительными всѣмъ, даже дѣтямъ. Каждое новое поколѣніе проникается такимъ образомъ этими понятіями, начиная съ самаго нѣжнаго возраста,—и, когда оно достигаетъ возмужалости, т.-е. момента возникновенія работы его собственной мысли, неизбѣжно сопрово-

ждаемой новою критикой, оно находитъ какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ окружающемъ обществѣ, цѣлый міръ установившихся мыслей и представленій, служащихъ ему точкою отправленія и въ нѣкоторомъ родѣ дающихъ ему сырой матеріалъ или основу для собственной умственной и нравственной работы. Къ числу этихъ понятій относятся традиціонныя и общія представленія, которыя ложно называютъ «врожденными идеями» метафизики, введенные въ заблужденіе тѣмъ нечувствительнымъ и незамѣннымъ способомъ, которымъ эти понятія, являясь извнѣ, проникаютъ и запечатлѣваются въ дѣтскомъ мозгу, даже ранѣе, чѣмъ дѣти начинаютъ сознавать себя.

Таковы главныя или отвлеченныя понятія о божественности, о душѣ,—понятія совершенно безсмысленныя, но неизбѣжныя, роковыя въ историческомъ развитіи человѣческаго ума, которыя очень медленно, цѣлымъ рядомъ вѣковъ, доходятъ до умственнаго и критическаго познанія самого себя и своихъ собственныхъ проявленій, исходя всегда изъ ложнаго представленія, чтобы прійти къ истинѣ, и отъ рабства, чтобы завоевать свободу; всемірное невѣжество и вѣковая глупость, точно такъ же, какъ и вполнѣ сознанные интересы привилегированныхъ классовъ, санкціонируютъ эти понятія настолько, что даже въ наше время немыслимо открыто и общепонятно высказаться противъ нихъ, не рискуя возмутить противъ себя значительной части народныхъ массъ и навлечь со стороны лицемѣрной буржуазіи опасность быть побитымъ камнями. Рядомъ съ этими отвлеченными понятіями и въ близкой связи съ ними юноша находитъ въ обществѣ, а слѣдовательно, вслѣдствіе его могущественнаго вліянія на него въ дѣтствѣ,

и въ самомъ себѣ, множество другихъ представленій или идей гораздо болѣе опредѣленныхъ и ближе касающихся дѣйствительной жизни человѣка и его повседневнаго существованія. Таковы представленія о природѣ, о человѣкѣ, о справедливости, объ обязанностяхъ и правахъ отдѣльнаго человѣка и классовъ, объ отношеніяхъ соціальныхъ, о семьѣ, о собственности, о государствѣ и многія другія представленія, которыя опредѣляютъ отношенія людей между собою. Всѣ эти идеи, которыя онъ при рожденіи находитъ воплощенными въ учрежденіяхъ и въ обществѣ и которая, при помощи получаемыхъ имъ воспитанія и образованія запечатлѣваются въ его собственномъ умѣ, даже ранѣе, чѣмъ онъ дойдетъ до познанія самого себя, онъ позднѣе находитъ освященными, разъясненными, истолкованными какъ теоріями, выражающими всеобщее сознаніе или коллективные предразсудки, такъ и всѣми религіозными, политическими и экономическими установленіями этого общества, часть котораго онъ составляетъ. И онъ самъ такъ проникнутъ ими, что даже, будь или не будь лично заинтересованъ въ защитѣ ихъ, онъ невольно, всѣми своими физическими, умственными и нравственными привычками является ихъ сообщникомъ.

Надо болѣе всего удивляться не тому всемогущему дѣйствію, которое эти понятія, выражающія коллективное сознаніе общества, оказываютъ на человѣческую массу, а напротивъ тому, что въ этой массѣ еще находятся люди, у которыхъ хватаетъ мысли, воли и мужества съ ними бороться. Потому что давленіе общества на индивидуумъ огромно, и не найдется ни одного характера достаточно сильнаго, ни ума достаточно могучаго, которые могли бы

сказать, что они защищены отъ этого деспотическаго и непреодолимаго вліянія.

Ничто такъ не доказываетъ общественнаго характера человѣка, какъ именно это вліяніе. Можно сказать, что коллективное сознаніе какого бы то ни было общества, одинаково воплощенное какъ въ его большихъ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и во всѣхъ мелочахъ его частной жизни, и служащее основой всѣхъ его ученій, составляетъ нѣчто въ родѣ окружающей его среды, родъ умственной и нравственной атмосферы,—вредной, но безусловно необходимой для существованія всѣхъ его членовъ. Оно одновременно властвуетъ надъ людьми и поддерживаетъ ихъ, объединяя путемъ привычныхъ отношеній, которыя необходимо опредѣляются этимъ вліяніемъ, такъ какъ оно каждому внушаетъ чувство безопасности и увѣренности, а всѣмъ вмѣстѣ ставитъ главнымъ условіемъ существованія толпы—пошлость, избитыя мысли, рутину.

Большинство людей, не только изъ народныхъ массъ, но также изъ привилегированныхъ и просвѣщенныхъ классовъ, и даже чаще, чѣмъ въ народныхъ массахъ, чувствуетъ себя спокойно и въ ладу съ самимъ собой только тогда, когда они во всей своей жизни, во всѣхъ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ неуклонно-слѣпо слѣдуютъ традиціи и рутинѣ: «Наши отцы думали и дѣлали такъ,—мы должны думать и дѣлать, какъ они, всѣ кругомъ насъ думаютъ и дѣлаютъ такъ,—зачѣмъ намъ думать и поступать не такъ, какъ всѣ?» Въ этихъ словахъ выражаются философія, убѣжденіе и опытъ 99 сотыхъ человѣчества, взятыхъ вмѣстѣ безразлично изъ всѣхъ классовъ

общества,—и какъ я уже замѣтилъ ранѣе, именно въ этомъ-то и есть самая главная преграда болѣе быстрому развитію и освобожденію человѣческаго рода.

Какія же причины этой прискорбной и такъ близко граничащей съ застоемъ медленности, которая, по моему мнѣнію, составляетъ самое большее несчастіе человѣчества? Причины многочисленны. Среди нихъ одна, безъ сомнѣнія, наиболѣе важная—это невѣжество массъ. Этимъ массамъ, лишеннымъ, вообще и систематически, всякаго научнаго образованія, благодаря отеческимъ заботамъ всѣхъ правительствъ и привилегированныхъ классовъ, которые находятъ полезнымъ держать ихъ возможно дольше въ невѣжествѣ, благочестіи и вѣрѣ,—что имѣетъ почти одно и то же значеніе,—незнакомо ни существованіе, ни примѣненія того орудія умственнаго освобожденія, называемаго критикой, безъ котораго невозможна полная нравственная и соціальная революція. Массы, весь интересъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы возстать противъ установившагося порядка вещей, являются опять-таки связанными съ этимъ порядкомъ, благодаря религіи отцовъ, этому провидѣнію привилегированныхъ классовъ.

Привилегированные классы, у которыхъ, что бы они ни говорили, въ настоящее время нѣтъ ни благочестія, ни вѣры, въ свою очередь связаны съ этимъ установившимся порядкомъ вещей выгодами политическими и общественными. Однако, нельзя сказать, чтобы только въ этомъ была единственная причина ихъ страстной привязанности къ господствующимъ теоріямъ. Какого бы дурного мнѣ-

нія я не былъ о дѣйствительной цѣнности умственныхъ и нравственныхъ побужденій этихъ классовъ, я все же не могу допустить, чтобы только однѣ выгоды были побудительной причиной ихъ мыслей и дѣйствій.

Безъ сомнѣнія, въ каждомъ классѣ и въ каждой партіи есть болѣе или менѣе многочисленная группа интелигентныхъ эксплуататоровъ, смѣлыхъ и сознательно нечестныхъ—такъ называемыхъ *сильныхъ* людей, свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ въ области ума и нравственности, одинаково равнодушныхъ ко всякимъ убѣжденіямъ и, въ случаѣ нужды, пользующихся ими для достиженія своей цѣли. Но эти выдающіеся люди составляютъ самое ничтожное меньшинство въ наиболѣе испорченныхъ классахъ; масса же въ этихъ классахъ, какъ и масса въ народѣ,—безпомощна, какъ овцы. Она естественно подчиняется вліянію своихъ выгодъ, которыя дѣлаютъ реакцію условіемъ своего существованія. Но невозможно допустить, чтобы, пользуясь реакціей, масса повиновалась только чувству эгоизма. Большинство людей, даже довольно испорченныхъ, дѣйствуя совмѣстно, не могли бы быть такъ развращены. Въ каждой многочисленной ассоціаціи, а тѣмъ болѣе въ ассоціаціяхъ традиціонныхъ, историческихъ, каковы классы, даже въ томъ случаѣ, если бы они стали безусловно вредны или противоположны интересамъ и правамъ всѣхъ, существуетъ моральный принципъ, религія, вообще какое-нибудь вѣрованіе, безъ сомнѣнія очень не раціональныя, но большей части странныя, а слѣдовательно очень узкія, но искреннія, которыя неизбѣжно составляютъ необходимое нравственное условіе ихъ существованія.

Общая и основная ошибка всѣхъ идеалистовъ, ошибка, являющаяся къ тому же вполнѣ логическимъ послѣдствіемъ всей ихъ системы—это исканіе основы морали въ одинокомъ человѣкѣ, между тѣмъ какъ оно находится и можетъ находится только въ людяхъ, объединенныхъ въ общество. Чтобы доказать это, попробуемъ разъ навсегда установить справедливую оцѣнку человѣка одинокаго и абсолютнаго, какъ его представляютъ идеалисты.

Это человѣческое существо, уединенное и отвлеченное,—ничто иное, какъ фикція подобно фикціи Божества такъ какъ обѣ одновременно созданы фантазіей вѣры или дѣтскаго разума, не основанной на размышленіи, опытѣ и критикѣ, но первоначально созданной воображеніемъ народовъ, а позднѣе развитой, разъясненной и догматически обоснованной богословскими и метафизическими теоріями мыслителей-идеалистовъ. Такъ какъ обѣ представляютъ собою отвлеченность, лишенную всякаго содержанія и несовмѣстимую ни съ какой дѣйствительностью онѣ въ концѣ концовъ резюмируются въ Ничто. Думаю, что я доказалъ всю безнравственность фикціи Божества, позднѣе въ приложеніи я лучше докажу ея нелѣпость. Теперь же я хочу разобрать такую же безнравственную и нелѣпую фикцію абсолютнаго или отвлеченнаго человѣческаго существа, которое моралисты изъ школы идеалистовъ берутъ, какъ основаніе для своихъ политическихъ и соціальныхъ теорій.

Мнѣ не трудно будетъ доказать, что человѣкъ, за котораго они ратуютъ и котораго они любятъ —существо совершенно безнравственное. Это—олицетворенный Эго-

измъ, существо по преимуществу антисоціальное. Будучи одарено безсмертной душой, оно безконечно и закончено само въ себѣ, а потому не нуждается ни въ комъ, даже въ Богѣ,—а тѣмъ болѣе можетъ ли оно нуждаться въ людяхъ? Логически оно совершенно не должно выносить ни рядомъ съ собою, ни выше себя существованія высшаго или равнаго человѣка, такого же безсмертнаго и безконечнаго или даже еще болѣе безсмертнаго и болѣе безконечнаго, чѣмъ онъ самъ. Онъ бы долженъ быть единственнымъ человѣкомъ на землѣ,—что я говорю,—онъ долженъ бы имѣть возможность назвать себя единственнымъ существомъ, цѣлой вселенной. Ибо безконечное, которое находитъ хотя что-нибудь внѣ самого себя, уже находитъ грань и болѣе не безконечно, а если двѣ безконечности встрѣчаются, то онѣ уничтожаютъ другъ друга.

Почему же богословы и метафизики, у которыхъ мы замѣчаемъ такую тонкую логику, совершали и совершаютъ эту непослѣдовательность, допуская существованіе какъ людей одинаково безсмертныхъ, т.-е. одинаково безконечныхъ, такъ и существованіе еще высшаго бытія—Бога, еще болѣе безсмертнаго и безконечнаго? Они были вынуждены къ этому безусловной невозможностью отрицать дѣйствительное существованіе и смертность,—также какъ и взаимную независимость милліоновъ человѣческихъ существъ, которыя жили и живутъ на этой землѣ. Это фактъ и, несмотря на все ихъ желаніе, они не могутъ съ нимъ не считаться. Логически они должны были прійти къ заключенію, что души не безсмертны, что у нихъ нѣтъ существованія, отдѣльнаго отъ ихъ смертной оболочки и,

что, ограничивая себя, находясь во взаимной зависимости, встрѣчая внѣ себя массу другихъ безконечностей,—человѣческія особи, какъ все существующее на этомъ свѣтѣ, являются существами преходящими, ограниченными и конечными. Но, признавая все это, они должны бы отказаться отъ самыхъ основъ своихъ идеальныхъ теорій, они должны бы выступить подъ знаменемъ чистаго матеріализма или же науки, основанной на опытѣ и разумѣ. Къ этому же призываетъ ихъ и могучій голосъ текущаго столѣтія.

Они остаются глухи къ этому призыву. Ихъ натура свыше-вдохновенныхъ людей, пророковъ, учителей и священнослужителей и ихъ умъ, воспитанный на тонкой лжи метафизическихъ ученій и привыкшій къ туманностямъ идеальныхъ фантазій, возмущается противъ откровенности заключеній и ясности простой истины. Они такъ страшатся ея, что предпочитаютъ переносить ими же самими созданныя противорѣчія нелѣпой фикціи безсмертной души или искать себѣ спасенія въ новой нелѣпости—въ фикціи Божества. Съ точки зрѣнія теоріи, Богъ въ дѣйствительности является ничѣмъ инымъ, какъ лишь послѣднимъ прибѣжищемъ и высшимъ выраженіемъ всѣхъ нелѣпостей и противорѣчій идеализма. Въ богословіи, которое выражаетъ собою дѣтское и наивное метафизическое ученіе, онъ является основою и первопричиной нелѣпости, — но въ чистой метафизикѣ, т.-е. въ богословіи со всѣми его тонкостями и обоснованіями онъ, наоборотъ, является послѣдней инстанціей и высшимъ прибѣжищемъ въ томъ смыслѣ, что всѣ противорѣчія, казавшіяся неразрѣшимыми

въ дѣйствительномъ мірѣ, она объясняетъ Богомъ и въ Богѣ, т.-е. въ нелѣпости, облеченной,—насколько это возможно,—въ форму разумной правдоподобности.

Существованіе личнаго Божества и безсмертіе души — двѣ нераздѣлимыя фикціи, два полюса одной и той же безусловной нелѣпости, такъ какъ одна вызываетъ другую и каждая напрасно ищетъ въ другой объясненія своего существованія и права на него. Итакъ, для объясненія очевиднаго противорѣчія между предполагаемою безконечностью каждаго человѣка и дѣйствительнымъ фактомъ существованія множества людей, множества безконечныхъ существъ, находящихся внѣ другъ друга, но необходимо ограничивающихъ другъ друга; для объясненія противорѣчія между ихъ смертностью и безсмертіемъ, между ихъ естественной зависимостью и безусловной независимостью другъ отъ друга,—на все это у идеалистовъ одинъ отвѣтъ: Богъ. Если этотъ отвѣтъ вамъ ничего не поясняетъ и васъ не удовлетворяетъ, тѣмъ хуже для васъ. Иного отвѣта на эти вопросы они не въ состояніи дать вамъ.

Фикція безсмертной души и, какъ необходимое ея слѣдствіе индивидуальной морали,—есть отрицаніе всякой морали. И въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость богословамъ: они гораздо послѣдовательнѣе, гораздо логичнѣе, чѣмъ метафизики, смѣло отрицаютъ то, что въ настоящее время принято называть *независимой моралью*, очень резонно объявляя, что разъ мы допускаемъ безсмертіе души и существованіе бога, то надо также признать, что можетъ быть только одна мораль—данный от-

кровеніемъ божественный законъ, мораль религіи, т.-е. сношеніе безсмертной души съ Богомъ, путемъ милости Божіей. Внѣ этого отношенія противуразумнаго, чудеснаго, мистическаго, единственно святого и спасительнаго, и внѣ послѣдствій, которыя изъ него происходятъ для человѣка, всѣ другія отношенія—ничто. Нравственность божественная—есть абсолютное отрицаніе нравственности человѣческой.

Божественная нравственность нашла свое полное выраженіе въ этомъ правилѣ христіанскаго ученія: «Люби Бога больше самого себя и люби ближняго, какъ самаго себя», что включаетъ въ себя пожертвованіе собою и ближними—Богу. Если человѣкъ жертвуетъ собою, на него можно смотрѣть, какъ на безумца, но жертвовать ближнимъ, съ человѣческой точки зрѣнія, безусловно безнравственно. А для чего я обреченъ на нечеловѣческую жертву? Для спасенія своей души. Это послѣднее слово христіанскаго ученія. Такимъ образомъ, чтобы угодить Богу и спасти свою душу, я долженъ пожертвовать своимъ ближнимъ. Это безусловный эгоизмъ. Этотъ эгоизмъ, не ослабленный, не уничтоженный, но лишь скрытый въ католицизмѣ, вынужденный коллективностью и авторитетомъ іерархическаго и деспотическаго единства церкви, во всей своей цинической откровенности обнаруживается въ протестантизмѣ, являющемся въ нѣкоторомъ родѣ выраженіемъ самаго яраго религіознаго эгоизма: «Sauve qui peut».

Метафизики въ свою очередь стараются прикрыть этотъ эгоизмъ, являющійся присущимъ и основнымъ принципомъ всѣхъ идеальныхъ ученій, тѣмъ, что возможно мало

говорятъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и очень много объ отношеніяхъ людей между собою, что съ нихъ стороны уже совсѣмъ не красиво, не искренно, не логично, потому что, разъ допустивъ существованіе Бога, надо признать, что сношенія человѣка съ Богомъ необходимы и что, при наличности этихъ сношеній съ существомъ безграничнымъ и высшимъ, всѣ другія отношенія по необходимости фиктивны. Или Богъ не есть Богъ,—или наличность Бога поглощаетъ и уничтожаетъ собою все. Но довольно...

Такимъ образомъ метафизики ищутъ нравственности въ отношеніяхъ людей между собою и въ то же время полагаютъ, что нравственность—дѣло безусловно личное, божественный законъ, начертанный въ сердцѣ каждаго человѣка, независимо отъ его отношеній къ другимъ людямъ. Таково неразрѣшимое противорѣчіе, на которомъ основано ученіе идеалистовъ о нравственности. Разъ только я ношу внутри себя нравственный законъ, первоначально начертанный самимъ Богомъ въ моемъ сердцѣ, во всѣхъ моихъ отношеніяхъ съ обществомъ, а слѣдовательно независимо отъ всякаго вліянія этого общества на мою личность, этотъ законъ является необходимо чуждымъ, безучастнымъ, если не враждебнымъ моему существованію въ обществѣ; онъ не можетъ касаться моихъ отношеній къ людямъ,—онъ можетъ только установить мои отношенія къ Богу, какъ очень логично утверждаютъ богословы. Что же касается людей, они мнѣ, съ точки зрѣнія этого закона, совершенно чужды. Такъ какъ нравственный законъ образовался и начертанъ въ моемъ сердцѣ

внѣ всякихъ моихъ отношеній къ людямъ, ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

Но этотъ законъ, скажутъ вамъ, именно и предписываетъ любить людей, какъ самихъ себя, потому что они подобны вамъ, не дѣлать имъ ничего, чего бы вы не пожелали для самихъ себя, соблюдать по отношенію къ нимъ равенство, справедливость, не дѣлать между ними различій. На это я возражу: если вѣрно, что нравственный законъ заключаетъ въ себѣ это повелѣніе, я долженъ прійти къ тому, что этотъ законъ образовался и написанъ не отдѣльно въ одномъ моемъ сердцѣ; онъ необходимо предполагаетъ предшествующее существованіе моихъ отношеній къ людямъ, мнѣ подобнымъ, а слѣдовательно, не создаетъ этихъ отношеній, а найдя ихъ уже естественно установившимися, онъ только регулируетъ ихъ и является, нѣкоторымъ образомъ, проявленіемъ ихъ развитія, ихъ объясненіемъ и ихъ произведеніемъ. Отсюда слѣдуетъ, что нравственный законъ не есть фактъ индивидуальный, но соціальный, онъ—твореніе общества.

Если бы было иначе, нравственный законъ, начертанный въ моемъ сердцѣ, не имѣлъ бы смысла; онъ регулировалъ бы мои отношенія съ тѣми существами, съ которыми я никогда не имѣлъ бы никакихъ отношеній и о существованіи которыхъ я бы даже не зналъ. На это у метафизиковъ имѣется возраженіе. Они говорятъ, что каждый человѣкъ, при своемъ рожденіи, уже приноситъ съ собою этотъ нравственный законъ, рукою самого Бога начертанный въ его сердцѣ, но первоначально этотъ нравственный законъ находится въ немъ въ скрытомъ видѣ,

лишь какъ наличность особенной способности, еще не осуществившейся, не возвѣстившей о себѣ даже самому человѣку, который не можетъ и осуществить его, и открываетъ его присутствіе въ самомъ себѣ лишь развиваясь въ обществѣ себѣ подобныхъ; что, словомъ, человѣкъ доходитъ до сознанія этого, присущаго ему закона только путемъ своихъ отношеній къ другимъ людямъ.

Эти объясненія, если и неосновательныя, по крайней мѣрѣ очень правдоподобныя, доводятъ насъ до ученія о врожденныхъ понятіяхъ, чувствахъ и нравственности. Ученіе это извѣстно: человѣческая душа, безсмертная и безконечная по существу, но облеченная плотію, является опредѣленною, ограниченною, отягощенною и, такъ сказать, ослѣпленною и уничтоженною въ своемъ реальномъ существованіи и вмѣщаетъ въ себѣ, безъ собственнаго вѣдома, всѣ эти вѣчные и божественные принципы, о существованіи которыхъ она первоначально даже и не подозрѣваетъ. Какъ душа безсмертная, она необходимо должна быть вѣчной, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ. Потому, что будь у нея начало, она должна была бы неизбѣжно имѣть и конецъ и не была бы безсмертна. Чѣмъ она была, что она дѣлала въ теченіе всей этой вѣчности, которая ей предшествуетъ? Богъ одинъ вѣдаетъ это, душа же не помнитъ, не знаетъ этого. Это великая тайна, полная вопіющихъ противорѣчій, для разрѣшенія которыхъ надо взывать къ высшему источнику противорѣчій, — къ Богу.

И все-таки душа, не подозрѣвая этого, сохраняетъ въ себѣ неизвѣстно въ какомъ таинственномъ мѣстѣ сво-

его существованія, всѣ божественныя начала. Но, затерянная въ своей земной плоти, отупѣвшая въ грубыхъ матеріальныхъ условіяхъ своего рожденія и своего существованія на землѣ, она неспособна постичь ихъ и даже не въ силахъ вспомнить ихъ, какъ будто бы она ихъ никогда не имѣла. Но вотъ встрѣчается въ обществѣ масса душъ, по существу одинаково безсмертныхъ и одинаково отупѣвшихъ, униженныхъ, облекшихся плотію въ своемъ реальномъ существованіи. Первоначально онѣ такъ мало узнаютъ другъ друга, что одна душа, облекшаяся въ плоть, пожираетъ другую. Извѣстно, что людоѣдство было первымъ обычаемъ человѣческаго рода. Затѣмъ, продолжая вести между собою ожесточенную войну, каждая душа старается поработить себѣ всѣ другія, — это длинный періодъ рабства, до сихъ поръ еще далеко не законченный. Ни въ людоѣдствѣ, ни въ рабствѣ не найдется, безъ сомнѣнія, ни малѣйшаго слѣда божественныхъ принциповъ. Но въ этой непрестанной междоусобной борьбѣ народовъ и людей, которая составляетъ исторію, вслѣдствіе безчисленныхъ страданій, являющихся самымъ яснымъ результатомъ этой борьбы, души людей начинаютъ мало-по-малу пробуждаться, выходятъ изъ своего оцѣпенѣнія, изъ своего звѣроподобнаго состоянія возвращаются въ самихъ себя, узнаютъ себя и все болѣе и болѣе углубляются въ свое внутреннее существо; вызываемыя и побуждаемыя къ тому одна другою, души начинаютъ вспоминать, вначалѣ предчувствовать, потомъ яснѣе видѣть и понимать начала, которыя Богъ отъ вѣчности начерталъ въ ихъ собственною рукою.

Это пробужденіе и это воспоминаніе совершаются прежде всего не въ душахъ болѣе безконечныхъ и болѣе безсмертныхъ, что было бы нелѣпостью, такъ какъ безконечное не допускаетъ сравненія, откуда слѣдуетъ, что душа величайшаго идіота такъ же безконечна и безсмертна, какъ и душа величайшаго генія; пробужденіе и воспоминаніе совершаются въ душахъ, принявшихъ наименѣе грубую плоть и, слѣдовательно, наиболѣе способныхъ пробудиться и припомнить. Это геніи, люди боговдохновенные и получившіе откровеніе, законодатели и пророки. Разъ эти великіе и святые люди, просвѣщенные и пробужденные духомъ,—безъ помощи котораго ничто ни великое, ни доброе не дѣлается на этомъ свѣтѣ,—вновь нашли въ себѣ одну изъ божественныхъ истинъ, которыя каждый человѣкъ безсознательно носитъ въ себѣ,—то естественно, и этимъ грубо матеріальнымъ людямъ становится уже гораздо легче открыть и въ себѣ эти божественныя начала. Этимъ путемъ всякая великая истина, всѣ вѣчные принципы, которые прежде всего являетъ намъ исторія, какъ божественныя откровенія, сводятся позднѣе къ истинамъ, безъ сомнѣнія божественнымъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, каждый человѣкъ можетъ и долженъ найти въ себѣ и признать основами своего собственнаго безконечнаго естества или своей безсмертной души. Этимъ объясняется, какъ истина, первоначально признанная однимъ человѣкомъ, начинаетъ понемногу распространяться далѣе, пріобрѣтая учениковъ, сначала немногочисленныхъ и обыкновенно преслѣдуемыхъ, какъ и самъ учитель, массами и офиціальными представителями общества; но даже въ силу самыхъ этихъ

преслѣдованій распространяясь все болѣе и болѣе, она рано или поздно захватываетъ общественное сознаніе и, долгое время оставаясь истиной индивидуальной, преобразуется, наконецъ, въ истину соціальную и, такъ или иначе осуществляясь въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ общества,—становится закономъ.

Такова главная теорія моралистовъ изъ школы метафизиковъ. Я говорилъ уже, что на первый взглядъ она очень правдоподобна и какъ будто примиряетъ самыя противорѣчивыя понятія: божественное откровеніе съ человѣческимъ разумомъ,—безсмертіе и безусловную независимость людей съ ихъ смертностью и безусловной зависимостью,—индивидуализмъ съ соціализмомъ. Но, разсматривая ближе эту теорію и ея выводы, легко признать, что это только кажущееся примиреніе, которое подъ ложною маскою раціонализма и соціализма прикрываетъ прежнее торжество божественной нелѣпости надъ человѣческимъ разумомъ и личнаго эгоизма — надъ общественной солидарностью. Въ послѣдней стадіи своего развитія она приводитъ къ раздѣленію и безусловному уединенію людей, а слѣдовательно, и къ уничтоженію всякой нравственности.

Несмотря на свои притязанія на чистый раціонализмъ, она начинаетъ съ отрицанія всякаго разума, съ нелѣпости, съ фикціи безконечнаго, затерянаго въ конечномъ, или съ предположенія одной безсмертной души, множества безсмертныхъ душъ, облеченныхъ и заключенныхъ въ смертную плоть. Въ видѣ поправки и объясненія этой нелѣпости, она вынуждена прибѣгнуть къ другой

нелѣпости, нелѣпости по преимуществу,—къ Богу, какъ къ душѣ безсмертной, неизмѣнной, облеченной и заключенной въ преходящей и смертной вселенной и все же сохраняющей и свое всевѣдѣніе, и свое всемогущество. Когда же ставятъ нескромные вопросы, которые эта теорія неспособна разрѣшить, потому что нелѣпость не разрѣшается и не объясняется, она отвѣчаетъ на это однимъ грознымъ словомъ: «Богъ»,—этимъ Нѣчто, безусловно таинственнымъ, которое совершенно не имѣетъ никакого значенія, или же, имѣя значеніе невозможнаго, все же, по ея мнѣнію, разрѣшаетъ или объясняетъ все. Это ея дѣло и ея право, потому-то она въ качествѣ наслѣдницы и болѣе или менѣе послушной дочери богословія и называется метафизикой. Здѣсь нужно главнымъ образомъ обратить вниманіе на нравственныя послѣдствія этой теоріи. Прежде всего установимъ, что нравственность по этой теоріи, несмотря на весь кажущійся ея соціализмъ, является нравственностью глубоко и исключительно индивидуальною, а затѣмъ не трудно будетъ доказать, что съ такимъ преобладающимъ характеромъ она на самомъ дѣлѣ есть отрицаніе всякой нравственности.

По этой теоріи безсмертная и индивидуальная душа каждаго человѣка, безконечная и безусловно полная по существу и, какъ таковая, для дополненія своего не имѣющая нужды ни въ другомъ существѣ, ни въ сношеніи съ другими существами, находитъ себя прежде всего заключенной и какъ бы уничтоженной въ своей плоти. Въ этомъ состояніи паденія, причины котораго намъ безъ сомнѣнія навсегда останутся неизвѣстными (потому что

умъ человѣческій неспособенъ ихъ объяснить и только въ абсолютной тайнѣ, въ Богѣ, надо искать объясненія); въ этомъ состояніи воплощенія и безусловной зависимости отъ внѣшняго міра, человѣческая душа нуждается въ обществѣ, чтобы пробудиться, чтобы вспомнить себя, чтобы познать самое себя и тѣ божественныя начала, которыя отъ вѣчности были вложены самимъ Богомъ въ ея сердцѣ и которыя собственно составляютъ ея существо. Таковъ соціальный характеръ и соціальная часть этой теоріи. Отношенія людей между собою и каждаго человѣка ко всѣмъ людямъ, словомъ соціальная жизнь является въ ней не какъ цѣль, а какъ необходимое средство развитія, какъ мостъ, ведущій къ этой цѣли; безусловная и единственная цѣль каждаго человѣка—самъ человѣкъ, внѣ всѣхъ другихъ людей,—самъ человѣкъ въ присутствіи абсолютной личности, въ присутствіи Бога. Ему были необходимы люди, чтобы выйти изъ своего земного ничтожества, чтобы найти себя, вновь обрѣсти свое безсмертное существо,—но, найдя его и отнынѣ почерпая жизнь лишь въ самомъ себѣ, онъ отворачивается отъ нихъ и погружается въ созерцаніе мистической нелѣпости и въ поклоненіи своему Богу.—Если онъ еще сохраняетъ какія-нибудь отношенія съ людьми, то не въ силу нравственной потребности, а слѣдовательно и любви къ нимъ, —ибо любятъ только тѣхъ, въ которыхъ мы нуждаемся, или тѣ, которые въ насъ нуждаются,—а человѣкъ, вновь обрѣтшій свое безконечное и безсмертное существо, самъ въ себѣ законченный, не имѣетъ нужды ни въ комъ, кромѣ Бога, который въ силу какого-то чуда, понятнаго од-

нимъ только метафизикамъ, повидимому, обладаетъ безконечностью болѣе безконечною и безсмертіемъ болѣе безсмертнымъ, чѣмъ безконечность и безсмертіе людей; отнынѣ человѣкъ, поддерживаемый божественнымъ всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ, отринувшій все земное, предавшійся духовному созерцанію и свободный самъ въ себѣ, не нуждается болѣе въ другихъ людяхъ. Однако, все же онъ еще сохраняетъ кое-какія сношенія съ ними и сохраняетъ ихъ по двумъ причинамъ.

Прежде всего потому, что до тѣхъ поръ, пока онъ сохраняетъ свою плоть, онъ нуждается въ пищѣ, кровѣ, одеждѣ и въ защитѣ какъ отъ внѣшней природы, такъ и отъ нападенія другихъ людей, а если онъ цивилизованный человѣкъ, ему необходима масса вещественныхъ предметовъ, которые способствуютъ удобству, комфорту, роскоши и многіе изъ которыхъ, неизвѣстные нашимъ отцамъ, въ настоящее время являются предметами первой необходимости. Онъ могъ бы отлично послѣдовать примѣру святыхъ былыхъ вѣковъ и, удалившись въ какую-нибудь пещеру, питаться кореньями. Но, повидимому, это уже болѣе не во вкусѣ современныхъ святыхъ, которые полагаютъ, что матеріальный комфортъ необходимъ для спасенія души. Ему необходимы всѣ эти предметы, а они могутъ быть произведены только совмѣстной работой людей: единичная работа одного человѣка не была бы способна произвести и одной милліонной части ихъ. Отсюда слѣдуетъ, что, обладая безсмертной душой и своей внутренней свободой, независимой отъ общества, современный святой имѣетъ *матеріальную* нужду въ этомъ обще-

ствѣ, нисколько не имѣя въ немъ нужды съ точки зрѣнія нравственной.

Но какъ назвать отношенія, которыя мотивированы исключительно не только матеріальною потребностью и въ то же время не подкрѣплены и не санкціонированы никакой нравственной потребностью? Очевидно назвать ихъ можно только *эксплуатаціей*. И въ самомъ дѣлѣ, въ метафизической морали и въ буржуазномъ обществѣ, которое, какъ извѣстно, въ основѣ своей имѣетъ эту мораль, каждый человѣкъ неизбѣжно становится *эксплуататоромъ* общества, т.-е. всѣхъ, и всѣ различныя формы государства, начиная съ государства теократическаго и самой неограниченной монархіи, до наиболѣе демократической республики, покоящейся на самомъ широкомъ избирательномъ правѣ, есть не болѣе, какъ регуляторъ и гарантія этой взаимной эксплуатаціи.

Въ буржуазномъ обществѣ, основанномъ на метафизической морали, каждый человѣкъ по необходимости или даже въ силу логическаго послѣдствія своего положенія, является эксплуататоромъ другихъ, потому что онъ *матеріально* нуждается во всѣхъ и ни въ комъ не нуждается *нравственно*. Итакъ, каждый человѣкъ, избѣгая общественной солидарности, какъ оковъ для полной свободы своей души, но въ то же время ища этой солидарности, какъ необходимаго средства для поддержанія своего тѣла, смотритъ на нее только со стороны приносимой ею пользы, пользы личной, и самъ несетъ ей и отдаетъ только то, что безусловно необходимо, чтобы получить не право, но возможность упрочить за собой пользу отъ этой обще-

ственной солидарности. Однимъ словомъ, каждый смотритъ на общество, какъ эксплуататоръ. Но когда всѣ одинаково являются эксплуататорами, становится необходимымъ, чтобы были счастливые и несчастные, потому что каждая эксплуататція предполагаетъ эксплуатируемыхъ. Такимъ образомъ, есть эксплуататоры, которые являются эксплуататорами въ силу желанія и на дѣлѣ—а другіе, громадное большинство, народъ, которые являются эксплуататорами только по силѣ желанія быть ими, но не на дѣлѣ. И дѣйствительно, ихъ вѣчно эксплуатируютъ. Въ соціальной экономіи метафизическая мораль или мораль буржуазная приводитъ къ борьбѣ людей между собою, борьбѣ безпощадной и безпрерывной, къ жестокой борьбѣ, въ которой большинство людей гибнетъ для того, чтобы обезпечить благосостояніе небольшой кучки.

Вторая причина, которая побуждаетъ человѣка, достигшаго полнаго обладанія самимъ собою, сохранить сношенія съ другими людьми—это желаніе угодить Богу и обязанность исполнить вторую заповѣдь Бога, такъ какъ первая, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы любить Бога больше самого себя, а вторая—любить другихъ людей, своихъ ближнихъ, какъ самого себя, и *изъ любви къ Богу* дѣлать для нихъ все добро, которое мы желали бы имѣть отъ нихъ для самихъ себя.

Обратите вниманіе на эти слова: «изъ любви къ Богу»,—они прекрасно выражаютъ характеръ единственной человѣческой любви, возможной метафизической морали и состоящей именно въ томъ, чтобы не любить людей за нихъ самихъ, по собственной своей потребности,

но для того только, чтобы угодить высшему повелителю. Въ концѣ концовъ такъ и должно быть, потому что, разъ только метафизика допускаетъ существованіе Бога и отношеній человѣка къ Богу, она, какъ и наука богословія, должна подчинить ему всѣ человѣческія отношенія.

Понятіе о Богѣ вмѣщаетъ въ себѣ все, уничтожаетъ собою все, что не составляетъ Бога, ставя на мѣсто всего реальнаго человѣческаго и земного фикцію Божества.

Въ силу метафизической морали, какъ я уже говорилъ, человѣкъ, пришедшій къ сознанію безсмертія своей души и своей личной свободы передъ Богомъ и въ Богѣ, не можетъ любить людей, потому что нравственно они ему не нужны, а возможно любить, какъ я уже добавлялъ, лишь тѣхъ, кто имѣетъ нужду въ насъ.

Если вѣрить тому, что говорятъ богословы и метафизики, первое существенное условіе въ отношеніи человѣка къ Богу вполнѣ выполнено, потому что они полагаютъ, что человѣкъ не можетъ обходиться безъ Бога. Человѣкъ можетъ и долженъ любить Бога именно въ силу своей потребности въ немъ. Что же касается до второго условія, т. е. возможности любить только того, кому нужна эта любовь, то это условіе не можетъ найти своего осуществленія въ отношеніи человѣка къ Богу. Было бы нечестіемъ сказать, что Богъ можетъ нуждаться въ любви людей, потому что имѣть нужду, значитъ имѣть недостатокъ въ чемъ-нибудь, что необходимо для полноты существованія, а, вѣдь, это признакъ слабости, признаніе того, что вы ощущаете какой-либо недостатокъ.—

Богъ, безусловно полный въ самомъ себѣ, не можетъ ни въ комъ и ни въ чемъ нуждаться. А такъ какъ ему не нужна любовь людей, онъ не можетъ и любить ихъ,—и то, что называютъ его любовью къ людямъ, есть только безусловный гнетъ, подобный и, естественно, болѣе страшный, чѣмъ тотъ, который могущественный германскій императоръ проводитъ въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Любовь людей къ Богу очень походитъ на любовь Германіи къ своему монарху, сдѣлавшемуся въ настоящее время настолько могущественнымъ, что, послѣ Бога, мы не знаемъ другого большаго могущества.

Любовь истинная, дѣйствительная, выраженіе потребности взаимной и равной, можетъ существовать только между равными. Любовь высшаго къ низшему—это подавленіе, угнетеніе, презрѣніе,—это эгоизмъ, гордость, тщеславіе, которые торжествуютъ въ чувствѣ величія, основаннаго на униженіи другого. Любовь низшаго къ высшему—это униженіе, страхъ и надежда раба, который ожидаетъ и свое счастіе, и свое несчастіе отъ своего господина.

Таковъ характеръ такъ называемой любви Бога къ людямъ и людей къ Богу. Это деспотизмъ одного и рабство другого.

Что же значатъ эти слова: «любить людей и дѣлать имъ добро изъ любви къ Богу?» Это значитъ обходиться съ ними такъ, какъ этого хочетъ Богъ; а какого обращенія съ ними онъ хочетъ? Обращенія, какъ съ рабами. Самая природа Бога требуетъ отъ него такого обраще-

нія: безусловный владыка, онъ самъ вынужденъ смотрѣть на нихъ, какъ на безусловныхъ рабовъ; смотря же на нихъ такъ, онъ и обращаться съ ними можетъ только, какъ съ рабами. Чтобы освободить ихъ, у него есть только одно средство: отречься отъ себя, уничтожиться, исчезнуть. Но это значило бы слишкомъ много требовать отъ его всемогущества. Онъ, конечно, можетъ согласовать свою странную любовь, которую онъ чувствуетъ къ людямъ, съ своей вѣчной, не менѣе странной справедливостью, пожертвовать своимъ единственнымъ Сыномъ, какъ о томъ повѣствуетъ Евангеліе, но отречься отъ себя, уничтожить себя изъ любви къ людямъ,—этого онъ никогда не сдѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, если только его не принудятъ къ этому путемъ научной критики. До тѣхъ поръ, пока легковѣрная человѣческая фантазія позволитъ ему существовать, онъ всегда будетъ неограниченнымъ повелителемъ,—господиномъ рабовъ. Ясно, что обращаться съ людьми, согласно волѣ Бога—значитъ обращаться съ ними только, какъ съ рабами. Любить людей по мнѣнію Бога, значитъ любить въ нихъ рабовъ. Я существо безсмертное, полное и обязанное этимъ Богу, я, который чувствую себя свободнымъ только потому, что я, рабъ Бога, ни въ комъ не нуждаюсь, чтобы сдѣлать болѣе полнымъ блаженство и свое душевное и нравственное существованіе, но я сохраняю свои отношенія съ ними изъ послушанія къ Богу, и, относясь къ нимъ такъ, какъ того требуетъ воля Бога, я хочу, чтобы они, какъ и я самъ, были рабами Бога. И если верховному повелителю угодно будетъ избрать меня, чтобы превозмогла его свя-

тая воля на землѣ, я отлично сумѣю заставить ихъ подчиниться ей. Таковъ истинный характеръ того, что искренніе и серьезные поклонники Бога называютъ своей любовью къ людямъ. Это не столько преданность любящихъ, сколько вынужденная жертва со стороны тѣхъ, кто является предметомъ или скорѣе жертвою этой любви. Это не освобожденіе ихъ,—это ихъ рабство во имя большаго прославленія Бога. И вотъ именно такъ божественная власть преобразуется во власть человѣческую и такъ Церковь создаетъ Государство.

Согласно теорія, всѣ люди должны были бы именно такъ служить Богу. Но, извѣстно, много званыхъ, да мало избранныхъ. И кромѣ того, если бы всѣ были одинаково способны исполнить это, т.-е., если бы всѣ въ одинаковой степени дошли до совершенства душевнаго и нравственнаго, до святости и свободы въ Богѣ, самое служеніе это сдѣлалось бы безполезнымъ. Если оно еще необходимо, такъ это потому только, что громадное большинство людей не дошло еще до этой степени, а отсюда слѣдуетъ, чтобы эту невѣжественную и непросвѣщенную массу любили и относились къ ней, какъ того требуетъ Богъ, т.-е., чтобы ею управляло и ее поработило меньшинство—святые, которыхъ Богъ такъ или иначе никогда не упускаетъ самъ выбирать и за которыми онъ самъ утверждаетъ привилегированное положеніе, которое позволяетъ имъ исполнять эту обязанность *)

*) Въ доброе старое время, когда христіанская вѣра, еще не поколебленная и главнымъ образомъ представляемая въ лицѣ ка-

Для правящихъ народными массами, для ихъ собственнаго блага, разумѣется, для спасенія ихъ душъ, если не тѣла, въ государствахъ теократическихъ и аристократическихъ—для людей святыхъ и знатныхъ; въ государствахъ доктринерскихъ, либеральныхъ, даже республи-

---

толическо-романской Церкви, процвѣтала во всемъ своемъ всемогуществѣ, для Бога не было никакого затрудненія указать своихъ избранниковъ. Было рѣшено, что всѣ государи, и великіе князья, и малые, царствовали милостію Божіей, если они только не были отлучены отъ Церкви; само дворянство основывало свои преимущества на благословеніи святой церкви. Само протестантство, которое, безъ сомнѣнія, совершенно противъ воли сильно способствовало разрушенію вѣры вообще, въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, оставило совершенно неприкосновеннымъ христіанскій догматъ: «Всякая власть,—повторяло оно вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ,—исходитъ отъ Бога». Протестантство даже усилило авторитетъ государя, провозглашая, что его власть исходитъ непосредственно отъ Бога и не имѣетъ нужды въ посредничествѣ Церкви,—протестантство, наоборотъ, даже подчинило ему Церковь. Но съ тѣхъ поръ, какъ философія послѣдняго столѣтія, соединившись съ буржуазной революціей, нанесли такой смертельный ударъ вѣрѣ и ниспровергли всѣ основанныя на этой вѣрѣ учрежденія, ученіе о происхожденіи власти уже съ трудомъ можетъ возстановиться въ сознаніи людей. Современные государи продолжаютъ еще говорить про себя: «Мы, Божіей милостью», но на эти слова, имѣвшія когда-то такое животрепещущее, могучее, дѣйствительное значеніе, интеллигентные классы и, даже часть самого народа смотрятъ какъ на фразу устарѣлую и банальную, которая въ сущности не имѣетъ никакого значенія. Наполеонъ III попробовалъ обновить ее, добавить къ ней еще слѣдующія слова: «И волею народа», но, прибавленныя къ первымъ, эти слова или уничтожаютъ первыя, или же означаютъ, что тего хочетъ

канскихъ, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ,—для *людей интеллигентныхъ* и для богатыхъ—для всѣхъ нихъ существуютъ знаменательныя слова: «*Все для народа,—ничего черезъ народъ*». Это означаетъ, что люди святые, люди знатные или люди привилегированные съ точки зрѣнія научнаго развитія или богатства, стоятъ гораздо ближе, чѣмъ народныя массы, къ идеалу

народъ, хочетъ и Богъ. Остается узнать, чего же хочетъ народъ и какая форма власти вѣрнѣе выразитъ эту волю? Демократы-радикалы воображаютъ, что это все-таки будетъ Собраніе, выбранное всеобщей подачей голосовъ. Другіе, еще болѣе радикальные, прибавляютъ къ нему референдумъ непосредственнаго всеобщаго голосованія народа по каждому новому, сколько нибудь значительному закону. Всѣ, консерваторы, либералы, умѣренные и крайніе радикалы согласны въ томъ, что необходимо управлять народомъ,—самъ ли онъ будетъ избирать своихъ руководителей и распорядителей, или они будутъ ему навязаны,—необходимо, чтобы были руководители и распорядители. Вѣдь, онъ лишенъ знаній,—а потому необходимо, чтобы онъ предоставилъ руководство собою тѣмъ, которые обладаютъ этими знаніями.

Въ то время, какъ въ прошедшіе вѣка наивно требовали власти во имя Бога, въ настоящее время ее требуютъ во имя знанія; это уже не жрецы пришедшей въ упадокъ религіи требуютъ власти,—ея требуютъ жрецы съ патентомъ на научныя знанія, требуютъ въ то время, когда этимъ научнымъ знаніямъ грозитъ очевидное банкротство. Потому что никогда еще люди, образованные и обладающіе знаніемъ вообще, то, что называется просвѣщенными классами, не представляли собой такого упадка нравственности, такого малодушія, такого эгоизма и такого полнаго отсутствія убѣжденій, какъ въ наши дни. Въ силу своего малодушія они, несмотря на всю свою науку, въ сущности остались ограниченными, не признавая ничего, кромѣ сохраненія того, что существуетъ, безумно надѣясь остановить ходъ исторіи грубой

или Богу, какъ говорятъ одни,—къ разуму, справедливости и къ истинной свободѣ, какъ говорятъ другіе, а

силой военной диктатуры, передъ которой въ настоящее время они жалкимъ образомъ преклоняются.

Какъ нѣкогда представители знаній и божественной власти, Церковь и жрецы ужъ слишкомъ открыто приняли участіе въ экономической эксплуатаціи массъ, что и было главной причиной ихъ упадка, такъ и въ настоящее время представители знанія и власти человѣческой, Государство, сословіе ученыхъ мужей, просвѣщенные классы слишкомъ открыто отожествили себя съ этимъ самымъ жестокимъ и несправедливымъ факторомъ—съ эксплуатаціей, чтобы быть въ состояніи сохранить малѣйшую нравственную силу, малѣйшій престижъ. Осужденные своимъ собственнымъ сознаніемъ, они чувствуютъ, что съ нихъ снята личина, и противъ презрѣнія, которое, какъ имъ извѣстно, они вполнѣ заслужили, у нихъ есть только одно прибѣжище: жестокая аргументація организованнаго и вооруженнаго насилія. Эта организація, основанная на трехъ отвратительныхъ элементахъ: бюрократіи, полиціи и постоянной арміи, составляетъ въ настоящее время сущность государства, осязаемое проявленіе эксплуатирующаго и доктринерскаго знанія привилегированныхъ классовъ.

Въ противовѣсъ этому разлагающемуся и умирающему пониманію, въ народныхъ массахъ пробуждается и образуется новое пониманіе, молодое, сильное, полное будущности и жизни, безъ сомнѣнія еще научно не развитое, но стремящееся къ знанію, освобожденному отъ всѣхъ нелѣпостей метафизики и богословія. Это пониманіе не будетъ имѣть ни патентованныхъ профессоровъ, ни пророковъ, ни жрецовъ, не оснуетъ ни новой Церкви, ни новаго государства; но, вспыхивая во всѣхъ и въ каждомъ, оно до послѣдняго основанія разрушитъ и проклятый принципъ власти какъ человѣческой, такъ и божественной и, возвративъ каждому полную свободу, осуществитъ равенство, солидарность и братство человѣческаго рода.

потому имѣютъ святую и благородную миссію привести ихъ къ идеалу. Жертвуя своими выгодами и не радѣя о своихъ собственныхъ дѣлахъ, они должны посвятить себя счастію своего *младшаго брата*—народа. Управлять не есть удовольствіе,—это трудная обязанность; въ этомъ дѣлѣ ищутъ не удовлетворенія, не самолюбія, не тщеславія, не личнаго корыстолюбія, а только возможности самопожертвованія для всеобщаго счастія. Безъ сомнѣнія, въ силу этого именно такъ и незначительно число претендентовъ на общественныя должности, и цари, министры, крупные и мелкіе чиновники, противъ воли, принимаютъ эту власть.

И вотъ таковы два различныхъ и даже противоположныхъ рода отношеній, которыя могутъ существовать въ обществѣ, построенномъ, согласно теоріи метафизическаго ученія. Первый родъ отношеній состоитъ *въ эксплуатаціи*, второй *въ управленіи*. Если правда, что управлять значитъ жертвовать собою для блага всѣхъ тѣхъ, кѣмъ управляютъ, то второй родъ отношеній, дѣйствительно, находится въ полномъ противорѣчіи съ первымъ, — съ эксплуатаціей. Но сговоримся. По теоріи идеалистовъ, богослововъ или метафизиковъ, слова «*благо массъ*» не могутъ имѣть значенія ни ихъ земного благосостоянія, ни ихъ временнаго счастія,—вѣдь, что же значатъ какіе-нибудь десятки лѣтъ земной жизни въ сравненіи *съ* вѣчностью? Поэтому должно управлять массами, имѣя, въ виду не то грубое счастіе, которое намъ даетъ матеріальная сила на землѣ, но ихъ вѣчное спасеніе. Матеріальныя лишенія и страданія могутъ быть разсматриваемы,

какъ недостатокъ воспитанія, т. к. доказано, что слишкомъ много тѣлесныхъ наслажденій убиваютъ безсмертную душу. И тогда противорѣчіе исчезаетъ: *эксплуатировать и управлять одно и то же*; одно дополняетъ другое и въ концѣ концовъ служитъ ему средствомъ и цѣлью.

Эксплуатація и управленіе—два совершенно нераздѣльныхъ термина во всемъ томъ, что называютъ политикой; первая даетъ средства для управленія и полагаетъ необходимыя основы и цѣль каждаго правительства, которое въ свою очередь гарантируетъ и узаконяетъ возможность эксплуатаціи. Съ самаго начала исторіи они собственно и образовали дѣйствительную жизнь теократическихъ, монархическихъ, аристократическихъ и даже демократическихъ государствъ. Ранѣе и до великой революціи конца 18-го столѣтія ихъ тѣсная связь была скрыта подъ фикціей религіи, закона, рыцарства; но съ тѣхъ поръ, какъ грубая рука буржуазіи сорвала эти покровы, къ тому же довольно прозрачные; съ тѣхъ поръ, какъ дуновеніе революціи разсѣяло пустыя фантазіи, за которыми такъ долго, такъ спокойно Церковь и Государство, теократія, монархія и аристократія могли совершать свои историческія мерзости; съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія, наскучивъ быть наковальней, сдѣлалась въ свою очередь молотомъ; съ тѣхъ поръ, словомъ, какъ она основала современное государство, эта роковая связь сдѣлалась для всѣхъ истиной явной и безспорной.

Эта эксплуатація—видимая плоть, а правительство — душа буржуазнаго режима. И какъ мы только что ви-

дѣли, и то, и другое въ этой тѣсной связи, какъ съ точки зрѣнія теоріи, такъ и практики является необходимымъ и вѣрнымъ выраженіемъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ буржуазнаго ученія, которое ищетъ свободу и нравственность людей внѣ общественной солидарности. Это ученіе приводитъ къ власти небольшого числа счастливцевъ или избранныхъ, которые эксплуатируютъ,—къ рабству большинства эксплуатируемыхъ и къ отрицанію всякой нравственности всякой свободы для всѣхъ.

Показавъ, какимъ образомъ идеализмъ, исходя изъ нелѣпыхъ понятій о Богѣ, безсмертіи душъ, *первобытной* свободы людей и ихъ нравственной независимости отъ общества, роковымъ образомъ приводитъ къ освященію рабства и безнравственности, я долженъ теперь показать, какимъ образомъ реальная наука, матеріализмъ и соціализмъ (ибо этотъ второй терминъ только справедливое и полное развитіе перваго),—именно потому, что за точку отправленія они берутъ матеріальную природу, естественное и первобытное рабство людей, и тѣмъ самымъ обязываютъ себя даже искать эмансипаціи людей не внѣ, но въ самомъ сердцѣ общества, не противъ него, но черезъ него,—они должны по необходимости привести къ установленію самой широкой свободы людей и человѣческой нравственности.

(На этомъ рукопись кончается).

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «**ЛОГОСЪ**».

Дж. Кеннанъ. — Сибирь и ссылка, полный переводъ въ одномъ томѣ . . . **1** р. **25** к.

Жанъ Гравъ. — Гнетъ машины, съ пред. А. А. Борового . . . . . — » **8** »

Э. Малатеста. — Крестьянскія рѣчи, съ предисл. А. Борового. . . . . — » **20** »

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

книжный магазинъ „Трудъ".

Москва, Тверская, 38. | ***С.-Петербургъ,*** Невскій, 60.